

Международная частноправовая практика юридической фирмы “ММЦП & К”

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В НИДЕРЛАНДАХ ПО ИСКУ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА С КРУПНОГО РОССИЙСКОГО БАНКА

Кризис августа 1998 г. создал весьма своеобразную ситуацию в экономике России. В условиях коллапса в банковском секторе некогда самые процветавшие из них оказались неспособными справиться с “волной” требований бегущих с рынка инвесторов. Неплатежеспособность заставляла банки в самых различных ситуациях. Удивительно то, что разрушались наиболее крупные из них, вложившие свои активы благодаря нормативной стимуляции Банка России в государственные краткосрочные облигации (далее — ГКО). Тяжелое положение банков носило отчасти искусственный, отчасти закономерный характер. Банки сами пытались спасти свои активы, т.к. бремя кризиса и финансовой паники было возложено на них совершенно незаслуженно: вместо введения всеобъемлющего моратория на расчеты Правительство РФ ограничилось лишь наложением для резидентов ограничений по совершению валютных операций, связанных с движением капитала и мораторием на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, полученных от нерезидентов, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам. Тем самым “волна” “внутренних” требований была направлена на, казалось бы, наиболее устойчивые российские предпринимательские структуры, допущенные к приобретению ГКО.

За такими событиями закономерно последовали споры и судебные процессы, в которых кредиторы российских банков стремились получить хотя бы часть своих активов. Этим определялись возникшие на ограниченный отрезок времени нестандартные предпринимательские условия и, если угодно, “новые правила игры”, в которых было необходимо сделать все возможное для сохранения своего имущества и удержания своей позиции на рынке в качестве платежеспособного субъекта.

Предпринятые Правительством РФ в августе 1998 г. меры затронули, в основном, иностранные банки, которые были выведены за рамки ситуации и дожидались своих выплат в “хвосте” очереди, в то время как многие другие иностранные компании не ограничивались в правах и могли действовать наравне с российскими кредиторами. В таких условиях юристы, обслуживающие крупный бизнес, должны были проводить сложную и трудоемкую работу, особенно в

промежуток времени до возбуждения дела о банкротстве и отзыва лицензий у российских банков, используя любую нестандартность ситуации для получения, насколько это было возможно, эквивалентного удовлетворения по денежным требованиям своих клиентов. На этот период приходится ряд интересных случаев из практики международной юридической фирмы “ММЦП & К”. Некоторые иностранные клиенты (далее — “Клиенты”) обратились к нам за советом и содействием в деле спасения их финансовых средств, переданных банкам, входившим в группу “СБС-Агро”.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Как известно, до кризиса августа 1998 г. банковские ставки в России, стране с более высокой нормой прибыли, были для Клиентов выгоднее по сравнению с банковскими ставками в других странах. При этом такой банк как “СБС-Агро”, крупная кредитная организация с наиболее развитой филиальной сетью в России, предлагал иностранным лицам разместить их депозиты в его дочернем банке в Нидерландах (далее — “Дочерний банк” или “Ответчик”), все акции которого принадлежали самому банку “СБС-Агро” (далее — “СБС-Агро”). Средства, положенные на депозит, переводились в Россию, а высокий процент выплачивался вкладчикам Дочерним банком в Нидерландах. Таким образом, в сфере банковских услуг в Нидерландах Клиенты получали один из самых высоких процентов по вкладам, риск утраты которых, казалось бы, в государстве с развитыми европейскими стандартами правовой защиты и исполнения судебных решений был незначительным.

Во всем этом, однако, присутствовала одна тонкость: в договоре депозита (далее — “Договор”) имелись так называемые залоговые оговорки о том, что права требования Клиентов к Дочернему банку о возврате средств закладываются ими как третьими лицами в обеспечение обязательств “СБС-Агро” перед Дочерним банком, возникающих в результате направления финансов Клиентов на счета “СБС-Агро” в России. В юридическом плане предполагалось, что Дочерний банк вместо того, чтобы взыскивать с “СБС-Агро” свою задолженность, мог удовлетвориться за счет заложенных требований Клиентов (ниже также именуемых “Истцы”). В результате такой операции в случае получения Дочерним банком удовлетворения за счет Клиентов имел место переход прав требования к “СБС-Агро” от Дочернего банка к Клиентам или, иными словами, суброгация. Таким образом, структура взаимоотношений сторон была направлена на выбытие Дочернего банка из обязательств в случае, когда у “СБС-Агро” возникают денежные затруднения. Выгодная для обоих банков схема содержала юридический подвох для Клиентов, доверившихся надежности Дочернего банка, который на самом деле мог попытаться легко избежать ответственности за возврат вкладов. После кризиса августа 1998 г. стало понятно, что получить от “СБС-Агро” средства в размере 9 миллионов долларов США (предоставленные Дочернему банку Клиентами) у этого банка было мало шансов, т.к. “СБС-Агро” в принципе, вряд ли, был способен вернуть себе платежеспособность.

АНАЛИЗ ДЕЛА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

В сложившейся ситуации несложно было понять, что с практической точки зрения судебного разбирательства требования Клиентов, обращенные к Дочернему банку, выглядели более перспективными, чем претензии о возврате депозитных средств, адресуемые “СБС-Агро” в Москве, т.к. последний находился в положении несостоятельности, которое закономерно должно было повлечь конкурсное производство. Требования Клиентов попадали в “пятую”, общую очередь. В структуре отношений с “СБС-Агро” Клиенты должны были выступать в качестве кредиторов в результате имевшей место суброгации. При этом было очевидно, что, несмотря на ранее имевший место залог, Клиенты никак не могли

считаться залоговыми кредиторами, составляющими третью очередь требований. То обстоятельство, что Клиенты не имели прямых договорных отношений с “СБС-Агро”, являлось далеко не благоприятным, а было чревато тем, что претензии кредиторов вообще могли бы быть не признаны в качестве “установленных требований” арбитражным управляющим. Кроме того, Клиентам необходимо было доказать, что Договор имел юридические последствия, что обращение взыскания на заложенные права требования действительно произошло, что суброгация, регулируемая правом Нидерландов, действительно имела место и т.д. Но даже если бы претензии Клиентов и включили в реестр требований, они с этого момента исчислялись и подлежали бы выплате в рублях, тогда как рублевый курс был тогда неустойчивым и имел неблагоприятные перспективы. Но и такой способ удовлетворения вовсе не гарантировал реальное возмещение понесенных Клиентами убытков. На самом деле Клиенты, скорее всего, могли претендовать только на пропорциональную часть тех выплат, которые, возможно, причитались бы всем кредиторам “пятой” очереди после удовлетворения имущественных претензий всех кредиторов предыдущих очередей. Иными словами, должно было произойти чудо, чтобы участие в процессе в Москве имело бы хоть какой-то более или менее приемлемый для Клиентов реальный результат.

Не таким безнадежным выглядело требование из Договора к Дочернему банку. В данном случае размер и основание долга, а также величина процентов являлись вполне определенными и устанавливаемыми. Кроме того, требования к Дочернему банку могли быть эффективно осуществлены в Нидерландах. В сложившейся ситуации, в соответствии с основным принципом подсудности споров судам по месту нахождения Ответчика, компетентным в отношении данного дела являлся суд Амстердама.

Однако, Клиенты могли бы претендовать на успех, только если бы удалось нейтрализовать неизбежное возражение Дочернего банка о том, что к моменту заявления иска он в силу реализации своего залогового права выбыл из правоотношений и не является ни должником перед Клиентами, ни кредитором по отношению к “СБС-Агро”. Поэтому юристами международной юридической фирмы “ММЦП & К^о” особенно тщательному анализу были подвергнуты текст Договора и обстоятельства его заключения и исполнения.

Проводимое исследование мыслилось, конечно, как сугубо предварительное и общее, основанное на презумпции схожести цивилистических принципов российского и нидерландского права, принадлежащих континентальной правовой семье, с пониманием, конечно, того, что банковская деятельность в развитых странах подвергается регулированию специальным законодательством, основанном, в том числе, на всестороннем учете обычаев и обыкновений банковской практики.

По мнению специалистов международной юридической фирмы “ММЦП & К^о”, залоговая конструкция в правоотношениях имела такие юридические недостатки, которые позволяли настаивать на ничтожности либо отсутствии заключения соглашения о залоге. Независимо от вышесказанного, перспективными выглядели и доводы о том, что Договор, на самом деле, не был исполнен в части, касающейся залога, ни залогодержателем (Дочерним банком), ни залогодателями (Клиентами). Следовательно, один из аргументов должен был состоять в том, что суброгация, переход прав требований от Дочернего банка к Клиентам, в правовом смысле не состоялись. Так, в соглашении о залоге как части Договора отсутствовала оценка предмета залога. Права требования на общую сумму в 9 миллионов долларов США с указанием на сроки и проценты представляли собой лишь описание предмета залога, в то время как его оценка не приводилась. Например, заложенные права требования на величину X обычно оцениваются стоимостью ниже X, т.к. в рыночных условиях принимаются во внимание сроки требования, его реализуемость, что зависит от личности долж-

ника, его репутации, платежеспособности, а также соотношения процентов с уровнем инфляции. По этой причине обычно имеет место оценка прав требования ниже их номинального размера.

Далее являлось важным отметить то, что отсутствовала ясность по поводу того, какую сумму после реализации залога в соответствии с его оценкой требовалось бы, например, вернуть залогодателям, т.е. Клиентам, или, наоборот, в какой части основное требование Дочернего банка к “СБС-Агро” являлось бы не покрытым. Все это могло свидетельствовать в пользу того, что соглашение о залоге юридических последствий не влекло.

Кроме того, анализ текста Договора позволял видеть еще один изъян во всей структуре отношений между Клиентами, Дочерним банком и “СБС-Агро”. Так, основное обязательство, обеспечиваемое залогом, существовало между “СБС-Агро” как должником и Дочерним банком как кредитором, причем последний принадлежал первому на 100 %, а также подчинялся и был подотчетным ему. Таким образом, имелись также и некоторые признаки притворности сделки между “СБС-Агро” и Дочерним банком. При такой структуре взаимоотношений Клиенты могли утверждать, что они должны были сохранить права требования к самому Дочернему банку.

Представлялось также перспективным опровергать утверждения Дочернего банка о том, что действительно произошла перемена лиц в обязательстве и что суброгация на самом деле имела место. Прежде всего, Клиентам не было представлено никаких данных о том, что на права требования Клиентов как предмет залога было обращено взыскание, и что в результате залогодержатель — Дочерний банк — получил удовлетворение, равное размеру претензий к “СБС-Агро”. В соответствии с регулированием залоговых отношений предмет залога должен был предлагаться для продажи третьим лицам, а не обращаться в собственность залогодержателя в результате его одностороннего волеизъявления. Если надлежащие процедуры не были осуществлены, появлялось основание говорить о том, что Клиенты тем более не утратили права требования к Дочернему банку.

Наконец, Договор, в соответствии с которыми Клиенты предоставили свои денежные средства Дочернему банку, представлял собой заполненный проформу самого Дочернего банка. Между тем, при неясности текста таких договоров присоединения или их двусмысленности они должны толковаться в пользу стороны, которой они предлагаются для подписания.

Все указанные выводы были сообщены в качестве результатов предварительного анализа постоянному партнеру “ММЦП & К^о” в делах на территории Нидерландов, юридической фирме “Kennedy Van der Laan” из Амстердама. В дальнейшем они были положены в основу исковых требований Клиентов к Дочернему банку.

ХОД РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

Исковое заявление было подано в коммерческий суд Амстердама. В обеспечение требования на корреспондентский счет Дочернего банка в Центральном банке Нидерландов был наложен арест. В силу несложности обстоятельств дела и, *prima facie*, бесспорности претензий Истцов, суд назначил так называемое “ускоренное производство” (*summary proceeding*), в котором судебное решение выносится в короткие сроки, но носит такой характер, что любые новые сведения, представляемые ответчиком, могут привести к такой же оперативной его отмене, либо его изменению.

Уже через два дня представители Ответчика обратились в суд с двумя ходатайствами: об отмене ареста денежных средств, находящихся на корреспондентском счете, и о предоставлении Истцами (являвшимися в Нидерландах иностранными лицами) обеспечения возможных убытков Ответчика, которые

возникнут в результате судебного процесса против Дочернего банка с использованием юридически несостоятельных доводов и неправомерных претензий. Ответчик аргументировал неадекватность и несоразмерность такой меры, как арест средств на корреспондентском счете, характеру претензий Истцов. Ответчик настаивал на том, что такое блокирование денежных средств парализует всю его работу, в то время как существо дела сводится к требованиям лишь нескольких его клиентов. Возражения Ответчика были восприняты судом, и он отменил арест. Вместе с тем, суд отказал в удовлетворении второго ходатайства о принятии мер по обеспечению возмещения возможных убытков Дочернего банка. Суд мотивировал свой отказ тем, что после снятия ареста основной фактор возможности возникновения убытков устраняется.

Несколькими днями позже состоялось слушание по существу в рамках ускоренного судопроизводства. Сотрудники международной юридической фирмы "ММЦП & К⁰" в силу особенностей процессуального права Нидерландов не могли выступать представителями Истцов, но они являлись свидетелями многочасовых судебных прений и заседаний на голландском языке, с синхронным английским переводом, в которых представлялись и обсуждались их аргументы, положенные в основу исковых требований. Ответчика представляли лучшие адвокаты Нидерландов. Они отстаивали тезисы о ненадлежащем ответчике и о действительности соглашения о залоге. Адвокаты Ответчика утверждали, что залог прав требования Клиентов в обеспечение долга "СБС-Агро" перед Дочерним банком является обычным в данной сфере деловой практики. Далее адвокаты говорили об особенностях такого рода конструкций как минимально формализованных и оперативно исполняемых финансовых инструментов. В обоснование своей позиции адвокаты проводили параллели со срочными финансовыми сделками, заключаемыми, в том числе, посредством Интернета и электронных сообщений. Утверждалось, что кредитные организации, будучи заинтересованными в максимально эффективной и не стесненной циркуляции своих безналичных финансовых средств, в возможности переводить и зачислять деньги с максимальной скоростью и оперативностью внутри мировой банковской системы, сами создают правила проведения операций, свободные от каких-либо препон. Представители Ответчика заявили о том, что если бы права требования реализовывались посредством торгов или аукциона, сама суть операции имела бы небанковский характер. В свою очередь, представители Истцов возражали против использования подобных рассуждений, указывая на то, что спорный Договор создавал правоотношения отнюдь не между банками, а между Дочерним банком и Клиентами, и они должны регулироваться, в первую очередь, Гражданским кодексом Нидерландов.

Далее представителями Истцов было указано на то, что для того, чтобы исходить из существования устоявшегося порядка отношений в банковской практике, необходимо выявить существование обычая, его единообразное понимание, который не мог не быть указан в обзорах или пособиях по банковской практике. Вместе с тем, ничего подобного Ответчик в качестве доказательств не представил.

Адвокаты Ответчика утверждали о следующем: Истцы знали о характере сделки, а также не могли не видеть из текста Договора то, что в определенных случаях они должны были адресовать свои претензии "СБС-Агро" в Москве, и что, кроме того, в силу передачи прав требования в залог, их следует считать временно утратившими владение такими правами. Далее адвокаты Ответчиков заявляли, что прежде чем обращаться с требованиями о выплате долга, следует сначала получить эти требования назад, а этого Истцами сделано не было.

Юристы международной юридической фирмы "ММЦП & К⁰" совместно с адвокатами Истцов подготовили возражения на этот счет. В ответных доводах говорилось о том, что при передаче прав требования в залог о переходе прав,

даже временном, речь идти не может, т.к. в этом случае обязательства Дочернего банка прекратились бы ввиду его совпадения как должника и кредитора в одном лице. Далее, Истцы не подписывали никакие отдельные бумаги о непосредственной передаче прав требования, а Договор устанавливал лишь залоговое обременение таких прав. И, наконец, Гражданским кодексом Нидерландов установлено диспозитивное правило о том, что заложенное имущество остается у залогодателя, если иное не предусмотрено договором залога. Между тем, Договор иное не предусматривал.

Тем не менее, в итоге суд принял сторону Ответчика и отказал в удовлетворении исковых требований ввиду, как это было объявлено, существующего порядка деловых отношений в межбанковской практике, имевшего конкретные правовые последствия для третьих лиц, т.е. для Истцов, которые утратили права требования к Ответчику в результате залоговой суброгации.

Однако до завершения судебного заседания представители Истцов по рекомендации международной юридической фирмы "ММЦП & К⁰" заявили ходатайство о привлечении "СБС-Агро" (далее также "новый Ответчик") в качестве второго ответчика и о наложении ареста в Нидерландах на принадлежащие ему акции Дочернего банка. По своей стоимости, связанной с доходностью целой кредитной организации в Нидерландах, эти акции являлись тем имуществом, за счет которого требования Клиентов могли бы быть удовлетворены в полном объеме и с максимальной эффективностью. Суд отложил рассмотрение первого ходатайства, однако немедленно распорядился об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на акции в обеспечение требования к новому Ответчику.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА. ВЫНЕСЕНИЕ РЕШЕНИЯ

Следующее заседание суда началось с объявления определения о прекращении производства в отношении Дочернего банка. Далее суд опросил Истцов относительно сведений о характере присоединения России к Гаагской конвенции 1954 г. по вопросам гражданского процесса, содержащей правила о вручении судебных документов лицам, находящимся за границей². Сотрудники международной юридической фирмы "ММЦП & К⁰" и голландские адвокаты, представлявшие интересы Истцов, были готовы к обсуждению этой проблемы. Дело в том, что в сложившихся обстоятельствах, несмотря на действие в отношении между Россией и Нидерландами указанной Конвенции, для Истца было выгодно и оправданно настаивать на достаточности самого быстрого и неформализованного способа вручения "СБС-Агро" уведомления о предъявлении к нему иска, ввиду чего представители Истцов настаивали на необходимости обычного почтового уведомления либо "СБС-Агро", либо его представителя в Нидерландах. Кроме того, суду были представлены, впрочем, без особой надежды на успех, доводы о том, что решение нидерландского суда все равно будет исполняться только в Голландии, а не в России, где оно, так или иначе, не будет признано, поскольку между Россией и Нидерландами отсутствует международный договор по вопросам исполнения частнопубличных судебных решений, тогда как его наличие является обязательным условием признания и приведения в исполнение в России любых иностранных судебных решений согласно Указу Президиума ВС СССР 1988 г. "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей", продолжающего действовать в РФ. При всем при этом международная юридическая фирма "ММЦП & К⁰" и представители Истцов исходили из того, что настаивать, например, на допустимости прямого обращения суда Нидерландов к соответствующему суду в России с просьбой о вручении судебных документов было бы с точки зрения конечного результата бесперспективным. Российские суды в вопросах отношений с иностранными лицами руководствуются регулированием еще конца 40-х годов об обязательности получения такого рода документов через Министерство иностранных дел и Министерство юстиции

(если иное не предусмотрено международным договором). По этой причине российский суд вряд ли стал бы реагировать на письменный документ, пришедший напрямую из иностранного суда.

Изучив Гаагскую конвенцию 1954 г. по вопросам гражданского процесса, судья отклонил указанные доводы представителей Истца и пришел к выводу о том, что уведомление Ответчика должно быть осуществлено через дипломатические каналы. В связи с длительностью данной процедуры суд в дальнейшем несколько раз откладывал рассмотрение дела.

Наконец, спустя более полугодия вручение уведомления было произведено одним из межмуниципальных судов г. Москвы, а уведомление об этом было доставлено в суд Амстердама. Такие сроки объясняются не какими-то особыми причинами, а исключительно практикой российских министерств, где любая официальная корреспонденция такого рода месяцами лежит на столе клерка-исполнителя в никем не разбираемой кипе подобных бумаг, и совсем не потому, что исполнитель занят, загружен другими неотложными делами, а лишь по причине того, что это продиктовано традиционным порядком рассмотрения подобной корреспонденции.

Отвлекаясь от основной темы, укажем на то, что такое положение дел не только демонстрирует неуважение российских властей к зарубежному правосудию, поскольку речь здесь идет о совершении несложных технических действий, предписанных международным договором. Оно также совсем не способствует правовому обеспечению международных экономических связей российских субъектов, мешает интеграции России в международный рынок и, в конечном счете, вредит ее образу в глазах всего мира. Удивительно, что подобный анахронизм так и не был ликвидирован в законодательстве России за 10 лет реформ. Оставляя в стороне плохую работу министерств, можно упомянуть и о том, что Россия является одной из немногих стран, которые путем оговора при присоединении к упомянутой Гаагской конвенции продолжает практиковать сложную, шадящую российских субъектов процедуру длительного уведомления, оставшуюся в наследие еще от СССР. Очевидно, что представители международного делового мира в наименьшей степени будут склонны иметь дело с российскими юридическими лицами, если известно, как трудно привлечь их к судебному процессу, территориально более удобному для иностранного партнера, случись спор, требующий судебного вмешательства. На это можно возразить то, что у иностранного лица всегда есть возможность обратиться в суд в России. Однако нельзя забывать о том, что в определенном ряде случаев иностранный суд также может иметь юрисдикцию над российским ответчиком, либо его активами, в том числе, например, в силу соглашения с таким ответчиком. Кроме того, только иностранный судебный процесс при определенных обстоятельствах может быть подходящим для деловых отношений сторон или способным эффективно воздействовать на нарушившую свои обязательства сторону и предоставить действенную защиту нуждающемуся в этом лицу, терпящему убытки.

Однако вернемся к предмету настоящей статьи. После получения судом Амстердама уведомления о вручении "СБС-Агро" судебных документов дело было решено этим судом в течение одного заседания. Представители нового Ответчика на слушании не присутствовали и никакие отзывы по делу не представили. В итоге судом было вынесено решение в пользу Клиентов о взыскании с "СБС-Агро" основной суммы долга, банковских процентов и процентов за просрочку платежа, всего на сумму около 10 миллионов долларов США. А поскольку имущество "СБС-Агро" в виде акций Дочернего банка находилось в Нидерландах, исполнить это решение для Клиентов труда не составило.

ВЫВОД

Настоящее дело дает возможность всем увидеть значение международных средств правовой защиты, правильное использование которых в огромной степени зависит от опыта и связей в юридическом мире, от плодотворных отношений с профессионалами из других стран, которые являются не просто источником клиентуры для юридических фирм в России, но и средством постоянной квалифицированной поддержки в делах последних за рубежом.

Ю.Э. Монастырский,
кандидат юридических наук
партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К⁰⁰"

¹ В российском праве такая ситуация именуется "переходом прав к другому лицу на основании закона" (статья 387 ГК РФ), однако, термин "суброгация" в данном случае также вполне применим: "Суброгация означает занятие третьим лицом, которое уплатило долг, места кредитора, которому оно его уплатило, так что оно может осуществлять против должника все права, которые кредитор, не получив платежа, мог бы предъявить" (Black's Law Dictionary. — St. Paul, Minn., West Group, Sixth edition, 1990, p. 1427).

² Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1996, № 1.

Статья поступила в редакцию в июле 2000 года.

ИСТОРИЯ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИИ ОДНОГО ИЗ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНОГО ИНСТИТУТА ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ СТОКГОЛЬМА

Отечественное регулирование вопросов признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений насчитывает уже несколько десятков лет. Вместе с тем, серьезное его развитие началось только несколько лет назад. Соответственно, на этом пути российское право ожидает большое количество сложностей и проблем, разрешать которые призваны, в первую очередь, государственные суды.

В этой связи достаточно большой интерес вызывает история приведения в исполнение в России одного из решений Арбитражного Института Торговой Палаты Стокгольма (далее также именуемого "Арбитражный Суд"), демонстрирующая многие острые проблемы российского регулирования в этой сфере. Данная история демонстрирует, с какими неожиданностями могут столкнуться в России попытки добиться признания и приведения иностранных арбитражных решений в исполнение, причем в ситуациях, на первый взгляд, достаточно простых. Более того, она является наглядным примером того, какие сложные юридические вопросы возникают при признании и приведении таких решений в исполнение. Наконец, эта история является уникальной еще и в том плане, что все без исключения юрисдикционные органы, в ней участвовавшие, допустили достаточно серьезные правовые неточности.